

Юноша на видео шаг за шагом отступал назад, пока не зашел в лифт. Двери закрылись. Через мгновение застывший на месте Лян Сычжэ нажал кнопку вызова и тоже вошел в лифт. Цао Е посмотрел на серое изображение на проекционном экране и тихо произнёс:

— Значит, он всё-таки пошёл за мной.

— Да, — подтвердила Сюй Юньчу, тоже глядя на запись. — Тот день рождения организовала компания. Было много гостей, там были не только друзья Сычжэ из киноиндустрии, но и журналисты. Он никому ничего не сказал и просто исчез посреди праздника. Никто не знал, куда он ушёл. Оказывается, он пошёл искать тебя... — Все странности в поведении Лян Сычжэ в тот день теперь ей стали понятны. Сюй Юньчу горько усмехнулась. — Приглашённые журналисты были очень недовольны, поэтому, когда на следующий день на пресс-конференции он набросился на репортёра, несколько изданий объединились и обвинили его в высокомерии. Он никак это не комментировал. Впрочем... Личная жизнь — это личное, кому он что должен был объяснять?..

Цао Е вспомнил тот вечер пять лет назад. Он выбежал из отеля, успел на зелёный свет, пересёк дорогу и пробежал ещё немного, а потом свернул на первом же перекрёстке. Яркие огни улицы безжалостно высвечивали его уязвимость, поэтому он быстро свернул в переулок, спрятался за деревом и долго сидел там на корточках. «Зачем ты пошёл за мной? — подумал Цао Е, глядя на Лян Сычжэ на экране. — В тот вечер, когда я решил уйти из твоей жизни, ты, может быть, тоже колебался, не зная, стоит ли отказываться от предложения Цао Сююаня? Может быть, ты тоже хотел побыть со мной ещё немного?»

— Нашла! — воскликнула Сюй Юньчу, стоя на табуретке с диском в руках, который она только что достала с полки. — Я помнила, что полная запись пресс-конференции хранится у него. Если бы не логотип компании на диске, найти его было бы непросто. — Она слезла с табуретки, ногтем поддела наклейку с логотипом и протянула её Цао Е. — Он даже его не распаковывал. Видимо, так и не посмотрел.

Цао Е взял диск:

— Ты так и не рассказала, что случилось с журналистом.

— А, это... — Сюй Юньчу задумалась. — Ту пресс-конференцию организовывали не мы, а Сычжэ и Чжэн Инь-лаоши. Это было спонтанное решение. Они никому ничего не сказали, Чжэн Инь сам нашёл место и связался с прессой. Сычжэ сообщил мне об этом всего за несколько часов до начала. Я приехала и, увидев соглашения, которые Чжэн Инь подготовил для журналистов, поняла, в чём дело.

— И в чем же? — Цао Е слегка нахмурился.

— Несколько изданий хотели поднять свои рейтинги, опубликовав подробности твоей личной жизни. Они заключили сделку: информация о Сычжэ в обмен на информацию о тебе...

Цао Е замер, не веря своим ушам:

— Сделку?

— Да, в это трудно поверить, правда? Когда я приехала, мне тоже показалось это абсурдным, но это правда. В то время вы двое были самыми близкими людьми Цао Сююаню. Сычжэ — публичная фигура, он и так был постоянно в центре внимания. Он предложил информацию о себе, и пресса согласилась. В конце концов, публикация подробностей личной жизни семьи Цао Сююаня, конечно, привлекла бы внимание, но и вызвала бы шквал критики. А в случае с пресс-конференцией Сычжэ всё было иначе: так они привлекали внимание, не боясь, что их за это осудят. В наши дни все очень чувствительны к критике.

Цао Е потерял дар речи. После их разрыва он старался не следить за новостями о Лян Сычжэ. Он смутно помнил, что тот провел какую-то пресс-конференцию и даже подрался с журналистом, вызвав этим бойкот со стороны практически всех СМИ. Но он и представить себе не мог, что причиной этой пресс-конференции был он сам.

— Посмотри запись, — сказала Сюй Юньчу. — Там вся правда о том инциденте. Тогда мы думали, что он так поступил из благодарности к режиссеру Цао, что ради него поставил на кон свою репутацию. Тот журналист ещё предполагал, что между ними что-то есть, раз уж Сычжэ пожертвовал своим именем, чтобы защитить семью режиссера. Теперь всё становится понятно... — Сюй Юньчу наклонилась и подняла с пола домик сяо-сяо Бай. — Вот ведь... Он хранил такой секрет, и никто не знал. Интересно, как долго он собирался это скрывать... — Она покачала головой. — Я вызову водителя. А ты посмотри запись.

Цао Е всё ещё не оправился от шока и только коротко кивнул. Он пришёл в себя лишь тогда, когда внизу хлопнула входная дверь. Он подошёл к проектору и вставил диск. Послышался шумный фоновый гул. Цао Е поднял голову и посмотрел на Лян Сычжэ, сидящего в круге света на проекционном экране.

Лян Сычжэ сидел на высоком стуле, слегка повернувшись к камере. Цао Е вдруг вспомнил тот вечер перед их расставанием на улице Иньсы. Лян Сычжэ так же сидел на деревянном стуле, поджав ноги, и насвистывал ему лёгкую мелодию в тишине ночи. В тот вечер лунный свет мягко очерчивал профиль Лян Сычжэ. Сейчас же, перед лицом хищных журналистов и объективов камер, он выглядел напряжённым и угловатым.

— Лян Сычжэ, говорят, что перед тем, как ты снялся в «Тринадцать дней», твои родители сбили человека. Это правда?

— Прошло столько лет, ты навещал семью погибшего?

— Твои бывшие одноклассники рассказывают, что ты был первой скрипкой в школьном оркестре. Почему же во время съёмок «Тринадцати дней» ты пользовался услугами дублёра?

«Черт возьми! — Цао Е сжал кулаки так, что хрустнули костяшки. — Вы так подробно разузнали обо всех его несчастьях, как же у вас язык повернулся задавать такие вопросы, раздирая едва затянувшиеся раны?»

Он смотрел, как Лян Сычжэ сжимает и разжимает пальцы левой руки правой. Ту самую левую руку, которая больше не могла играть на скрипке. Он делал это с такой силой, словно хотел сломать себе пальцы. Лян Сычжэ стерпел все эти вопросы. Но когда журналист попытался выложить видео, он спрыгнул со сцены и ударил его. Так вот почему все эти годы он жил спокойно. На той пресс-конференции Лян Сычжэ принял весь удар на себя, защитив его от надвигающейся бури.

«Почему ты ничего не сказал, Лян Сычжэ?.. Хотя, у тебя не было возможности», — подумал Цао Е. После их разрыва слухи о связи Лян Сычжэ и Цао Сююаня достигли своего пика. Цао Е не хотел об этом слышать. Он твёрдо решил порвать с Лян Сычжэ и больше не интересовался его жизнью. Он заблокировал его номер и вскоре сменил свой собственный.

После этого Ли Ю захотела вернуться в Америку. Цао Е в то время был совершенно подавлен из-за бесконечных сплетен о Цао Сююане. Последние остатки здравого смысла подсказывали ему, что Ли Ю не стоит оставаться в стране и подвергаться этому давлению. Он быстро связался с дядей, нашёл больницу и билеты на самолёт и улетел с Ли Ю в Штаты. Через бескрайний Тихий океан доходили лишь отголоски новостей о Цао Сююане и Лян Сычжэ. Если специально не искать информацию, можно было сделать вид, что ничего не произошло.

«Ты многого не знаешь», — вдруг вспомнил он слова Лян Сычжэ, сказанные три месяца назад. Тогда это прозвучало как мимолетное замечание, но оно оказалось правдой. Сколько ещё истинных чувств скрывалось за этими небрежными разговорами? Правда, так долго скрытая подо льдом, теперь с грохотом вырвалась наружу. Слова Лян Сычжэ, одно за другим, эхом отдавались в ушах Цао Е.

«Цао Е, я использую твоего кузена, чтобы привлечь твое внимание».

«Я плохой человек, мне всё дозволено».

«Увенчались ли наши мирные переговоры успехом?»

«Что ты хочешь, чтобы я сделал? Я делаю шаг вперёд, а ты десять назад...»

«Например... Кинозвезда Лян Сычжэ и сын Цао Сююаня погибли, упав со скалы. Предположительно, двойное самоубийство из-за несчастной любви».

—

Все эти фразы, от которых он пытался убежать, на которые не знал, как ответить, о смысле

которых боялся даже задуматься, теперь ясно указывали на одну простую мысль: «Лян Сычжэ любит тебя. Он любит тебя уже много лет».

Эти невысказанные чувства, похороненные на долгие годы, теперь внезапно открылись, застав Цао Е врасплох. Как ему с этим справиться? Как реагировать? Снова спрятаться и сделать вид, что ничего не произошло? В его голове был полный хаос, бурлящие эмоции не давали ему спокойно всё обдумать.

Цао Е растерянно смотрел на полки в зале. На одной из них стояли фильмы с участием Лян Сычжэ. Все эти годы он ни разу не смотрел ни один из них. Каждый раз, когда кто-то предлагал ему пойти на фильм с Лян Сычжэ, его охватывал необъяснимый страх, он словно опасался увидеть его на экране. Чего же ты боишься, Цао Е?

Он подумал, что ему нужно подышать свежим воздухом. В комнате было слишком душно, голова раскалывалась от множества мыслей, не давая ему успокоиться. Он спустился вниз и вышел из дома Лян Сычжэ. Стемнело. Начал накрапывать мелкий дождь. Осень уже вступила в свои права, и капли дождя, падая ему на лицо, приятно охладили кожу. Цао Е сел в машину, завёл мотор и опустил стекло, подставляя лицо дождю. Ему нужно было успокоиться.

Он бесцельно ехал по улицам, и все его мысли были только о Лян Сычжэ: как он прислонился к дереву и выдыхал дым в ночной темноте, как он стоял с покрасневшими глазами под капюшоном и маской, когда сяо-сяо Бай чуть не умерла пару недель назад, как он упорно заставлял его сканировать свой отпечаток пальца, как на следующий день после окончания съёмок «Рокового выбора» Лян Сычжэ, прикуривая сигарету, наклонился к нему, чтобы попросить огня... Он помнил длинные, подрагивающие ресницы Лян Сычжэ, похожие на тонкие крылья цикады. В тот момент ему показалось, что он слышит пение цикад на улице Иньсы, как и десять лет назад.

Внезапно сзади раздался короткий гудок — машина позади него сигналила, торопя проехать на зелёный. Цао Е очнулся, не понимая, куда ему ехать. Он машинально поехал прямо, но вдруг осознал, что стоит на полосе для поворота налево. К нему резко вернулась ясность. Он снова приехал на Иньсы. С тех пор, как он вернулся в страну три года назад, он постоянно неосознанно приезжал сюда. Просыпаясь после пьянки, в девяти случаях из десяти он обнаруживал себя на Иньсы.

Остановившись на углу улицы, Цао Е сидел в машине и смотрел по сторонам. Это была уже не та Иньсы, что раньше. Тихая и чистая, она утратила былую суету. Вот здесь когда-то была закусочная «Лао Ду». Они с Лян Сычжэ часто сидели за столиками на улице и ели лапшу. Чуть дальше был ларёк с завтраками. Лян Сычжэ, рано вставая, часто приносил оттуда в «Лазурную вечеринку» паровые булочки сяолунбао. Дальше — ресторанчик, где отлично готовили жареную печень и жареную капусту. Когда они не знали, что заказать, то брали эти два блюда. Ещё дальше был фруктовый ларёк. Летом хозяин резал арбузы и часто угощал их. Напротив фруктового ларька находилась «Лазурная вечеринка» — пустая днём и шумная ночью.

Тогда улица была полна жизни, с утра до вечера здесь висел густой запах еды, земля блестела от застарелого жира, а «Лазурная вечеринка» был пристанищем для всякого сброда. Вечерами

туда стекались толстопузые мужчины и ярко покрашенные певички. Вспоминая прошлое, Цао Е понимал, что Иньсы, пожалуй, было самым грязным и отвратительным местом из всех, где он когда-либо бывал. Казалось бы нечего тут было вспоминать.

Но теперь, стоя на этой улице и думая об Иньсы десятилетней давности, он видел разлитый по мостовой лунный свет после дождя и Лян Сычжэ, сидящего на деревянном стуле и насвистывающего мелодию. Он до сих пор помнил ту мелодию. Его сердце забилося чаще, сильно ударяясь о рёбра. Чувства, которые он так долго подавлял, словно прорвали плотину и хлынули наружу. Цао Е вдруг понял, что дело не просто в ностальгии по Иньсы десятилетней давности. В пятнадцать лет он знал лишь, что его сердце бьётся быстро, но не знал, что это влюблённость. Он знал лишь, что его сердце на мгновение замирало, но не понимал, что это был за трепет.

Но в свои двадцать пять, глядя на эту улицу, Цао Е вдруг прозрел: он любит Лян Сычжэ. С тех самых пор, как подростком впервые ощутил этот трепет в груди. И причиной тому был Лян Сычжэ. Сначала он не понимал, что это любовь. Потом боялся себе в этом признаться. Подсознательно он ассоциировал гомосексуальность с Цао Сююанем и Чжэн Инем, с крахом своего маленького мира. Поэтому он ненавидел то, что произошло между ними, и эта ненависть перекинулась на его чувства к Лян Сычжэ.

Вот почему он испытывал необъяснимое раздражение при одной мысли о Лян Сычжэ. Вот почему его охватывал страх при виде фильмов с его участием. Он всё время отказывался думать об этом серьёзно, потому что подсознательно понимал, насколько сильно он любит Лян Сычжэ. Он избегал его, боялся признаться себе в своих чувствах, потому что это сделало бы его похожим на Цао Сююаня, на того, кого он больше всего презирал.

«Чёрт возьми!» — Цао Е со злостью ударил кулаком по рулю. Сколько же лет он думал о Лян Сычжэ? Когда это вообще началось? Чем он занимался все эти годы, прожигая жизнь в бесконечных интрижках?! Он думал, что сможет убежать от Цао Сююаня, разорвать с ним все связи. Но разве, меняя девушек одну за другой, он не превратился в того же Цао Сююаня? Какой абсурд!

Ему вдруг безумно захотелось увидеть Лян Сычжэ. Он не знал, что скажет ему, что произойдёт при их встрече. Вспоминая ту сцену между Цао Сююанем и Чжэн Инем, он чувствовал отвращение. Он не мог представить себя в интимной близости с мужчиной, как Цао Сююань и Чжэн Инь, сплетённые в объятиях. Это пугало его. И всё же он хотел увидеть Лян Сычжэ. Он не видел его уже две недели и очень по нему скучал. Цао Е всё время пытался заглушить свои истинные чувства, но правда была в том, что каждый день, открывая глаза, он думал о Лян Сычжэ. Ему хотелось знать, чем он занимается, какие сцены снимает, думает ли о нём.

Цао Е резко развернул машину и выехал с Иньсы. Он направился в аэропорт, чтобы встретиться с Лян Сычжэ.

Автору есть, что сказать: Мне кажется, в следующей главе нас ждёт серьёзный прорыв.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130305>